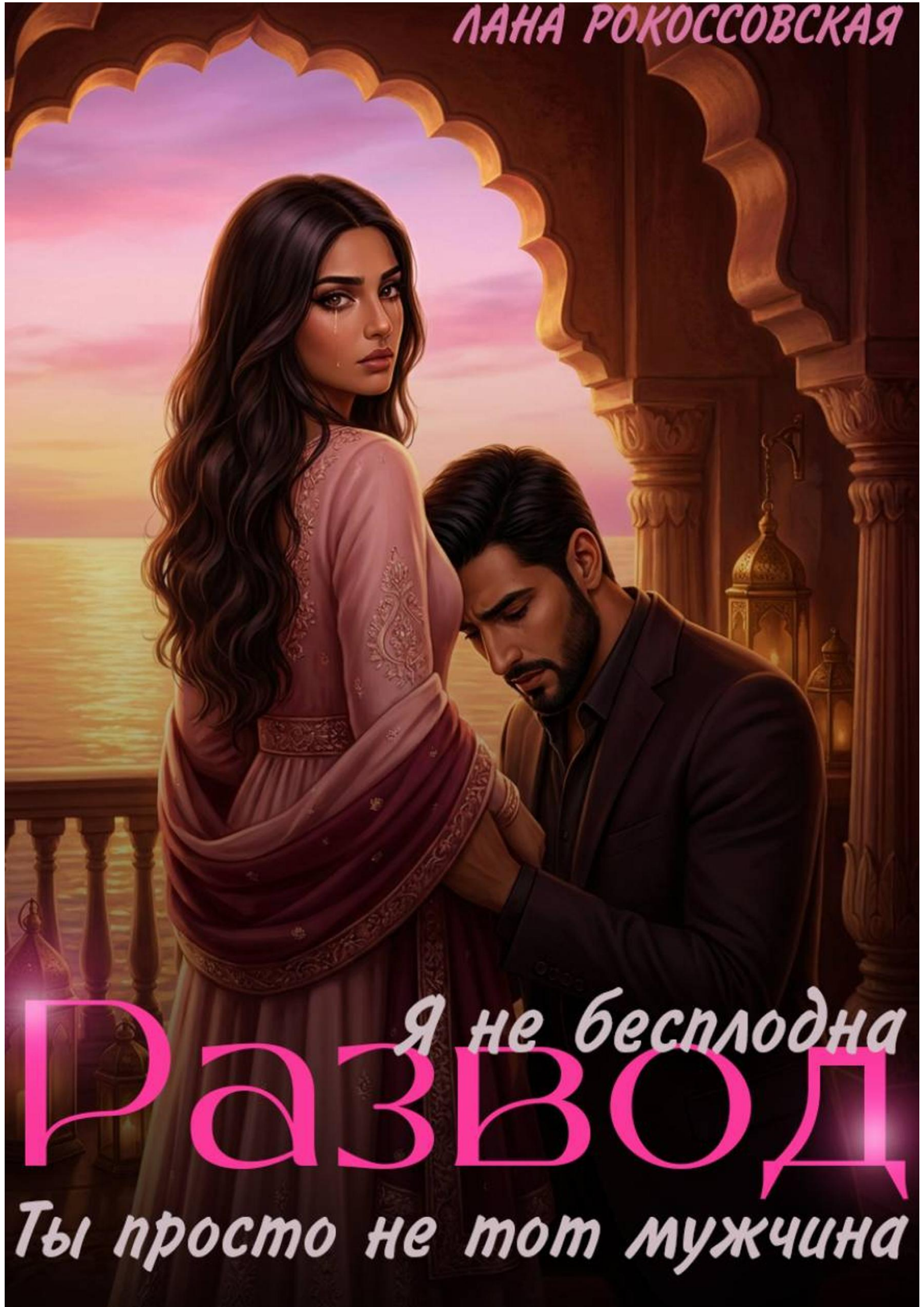

ЛАНА РОКОССОВСКАЯ

Я не бесплодна
Развод
Ты просто не тот мужчина

Лана Рокоссовская

**Развод. Я не бесплодна.
Ты просто не тот мужчина.**

«Автор»

2026

Рокоссовская Л.

Развод. Я не бесплодна. Ты просто не тот мужчина. /
Л. Рокоссовская — «Автор», 2026

— Я стану второй женой вашего мужа, — восточная девушка передо мной сидит прямо и смотрит в глаза. — Я ношу ребёнка Эмира. Фарфоровый чайник в моих руках дрожит. Она замечает это. Её чёрные глаза скользят к моим пальцам, и усмешка, которую она так старательно прятала, наконец проступает. Тонкая. Ядовитая. Торжествующая. — Айлин, вы не поняли. Это уже решённый вопрос. Чашка, которую я взяла, падает на пол. Осколки. Розовая лужа на мраморе. Пятно на белоснежном ковре с золотыми узорами. Я смотрю, как пятно становится больше. И больше. С такой же скоростью растёт дыра в моей груди. Только она наливается чернотой. В кармане моего платья лежит положительный тест на беременность. Мой подарок. Моя тайна. Мой ребёнок, о котором муж никогда не узнает. Потому что вечером, при всех гостях, он назовёт меня бесплодной. Выведет вперёд эту девицу и скажет: «Она родит мне наследника. А ты будешь терпеть». Я не буду терпеть. Я подам на развод. Я исчезну. И однажды он поймёт. Кого потерял.

Содержание

Глава 1. Чай с ядом	5
Г	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Лана Рокоссовская

Развод. Я не бесплодна.

Ты просто не тот мужчина.

Глава 1. Чай с ядом

— Я стану второй женой вашего мужа.

Девушка передо мной сидит прямо, как натянутая струна. Спина идеально ровная, подбородок вздёрнут. Она смотрит мне в глаза — уверенно, даже нагло, и я вижу, как дрожат уголки её губ. Она сдерживает усмешку. Прячет её, как кошка прячет когти, но я всё равно замечаю.

— Вы что-то перепутали, — говорю спокойно.

Мой голос звучит ровно. Даже слишком ровно. Будто не мой. Будто я где-то снаружи, наблюдаю за этой сценой из дальнего угла гостиной, от люстры, от потолка.

Фарфоровый чайник в моих руках дрожит.

Совсем чуть-чуть. Крошечная дрожь, которую нормальный человек даже не заметил бы. Но она замечает. Её чёрные глаза — раскосые, подведённые жирной кошачьей стрелкой — скользят к моим пальцам. И усмешка, которую она так старательно прятала, наконец проступает. Тонкая. Ядовитая. Торжествующая.

— Айлин, — она произносит моё имя с лёгкой небрежностью, будто объясняет что-то несмышлёному ребёнку, — вы не поняли. Это ведь уже решённый вопрос.

Я растягиваю губы в улыбке. Пластиковой. Мёртвой. Вежливой.

Почему-то я жадно разглядываю её. Выхватываю детали одну за другой, как будто это может что-то объяснить. Как будто если я найду в ней изъян, трещину, фальшь, то всё это окажется неправдой.

Глянцевые чёрные волосы. Длинные, ниже лопаток. Они блестят так, что я вижу в них собственное отражение — размытое, искорёженное. Руки тонкие, пальцы длинные, музыкальные. Красивые. Платье в пол — тёмное, изумрудное, без единой лишней детали. Дорогая ткань льнёт к телу, струится, как вода. Губы — нюдовая роза, в тон маникюру. Скулы высокие, острые.

Она красивая.

Эта мысль режет меня изнутри. Тупая пила, которая ходит туда-сюда, туда-сюда, оставляя рваные края.

— Извините, — спохватываюсь я, поняв, что разглядываю её слишком пристально. Слишком долго. Так, будто и правда верю, что у Эмира с этой девушкой что-то могло быть. Мой Эмир? Нет. Конечно же, нет.

— Думаю, если бы ситуация действительно обстояла так, — я тщательно подбираю слова, стараясь оставаться вежливой хозяйкой, — мой муж сообщил бы мне первой. Но у нас...

— Вы не поняли, — повторяет она.

Усмешка слетает с её лица. Взгляд становится жёстким. Злым. Она устала играть в кошки-мышки. Она хочет ударить — и ударить наверняка.

— Я ношу ребёнка Эмира.

Тишина.

Она повисает в гостиной, как дым. Густая, удушливая. Я слышу, как тикают часы на каминной полке. Как где-то на заднем дворе садовник обрезает розы — щёлк, щёлк, щёлк. Как в висках стучит кровь — быстро, горячо, болезненно.

Чашка, которую я взяла в руки, падает.

Я даже не чувствую, как пальцы разжимаются. Просто вдруг — звон, осколки, розовая лужа на мраморном полу. Чай растекается некрасивой кляксой, пачкает край белоснежного ковра с золотыми расписными узорами. Того самого ковра, который я выбирала три месяца. Ездила по магазинам, щупала ворс, спорила с консультантами, советовалась с дизайнером. Я хотела, чтобы дом был идеальным. Чтобы Эмиру всегда хотелось возвращаться.

Пятно на ковре становится больше. И больше. И больше.

С такой же скоростью растёт дыра в моей груди. Только она, в отличие от чайной лужи, наливается чернотой. Холодной. Вязкой. Она засасывает в себя воздух, свет, звуки. Я перестаю слышать тиканье часов. Только стук сердца — неровный, сбивчивый, как птица, которая бьётся о стекло и не может найти выход.

— Вы... — я перевожу взгляд на её живот. Плоский. Ни единого признака. Ни намёка. — Вы беременны от Эмира? От моего мужа?

Голос сипнет. Садится, как старая пластинка. Я пытаюсь сморгнуть слёзы — они собираются в уголках глаз, горячие, колющие, но я не позволяю им пролиться. Не сейчас. Не при ней.

— Да, — говорит она.

И кладёт пальцы на свой плоский живот. Длинные пальцы с идеальным нюдовым маникюром. Гладит его. С любовью. С нежностью. Напоказ.

— Чувствую, мальчишка будет. Наследник. Эмир будет счастлив.

Я поперхнулась воздухом. Закашлялась.

— Так Эмир... не в курсе?

— Того, что будет наследник? — в её чёрных глазах вспыхивает триумф. Чистый, централизованный, как яд. — Или того, что я беременна?

— Того, что вы беременны, — цежу я.

Она смеётся.

Звонко. Весело. Запрокидывает голову назад, и её волосы струятся по плечам, как нефть. Как будто ей и правда весело. Как будто я действительно её развеселила.

Мне не весело.

Мне кажется, что я очутилась в дурном сне. В кошмаре, из которого невозможно проснуться. Я щипаю себя за запястье — сильно, до красного следа, — но ничего не меняется. Гостиная, чайная лужа, эта женщина с её плоским животом и моим будущим, которое она только что растоптала.

— Конечно, Эмир в курсе, — она наклоняется над столиком и сообщает мне это доверительным шёпотом, как будто мы заговорщицы. Как будто делим один секрет на двоих. — И, конечно, он будет счастлив стать отцом. Впервые.

Последнее слово она произносит с капелькой яда. Крошечной. Но я чувствую её — эта капля прожигает меня насквозь.

Я леденею.

Она знает. Знает, что у нас не получается зачать. Знает, что я неполноценная женщина, которая не может подарить мужу наследника. Это он ей сказал? Мой Эмир? Мой муж, который шептал мне в нашу первую брачную ночь, что я — его судьба, его единственная, его воздух?

Сжимаю ладони. Ногти врезаются в кожу до красных полумесяцев. Боль отрезвляет. Немного. Совсем чуть-чуть.

— Так вы легли с ним до брака? — цежу всё с той же холодной, вежливой улыбкой. Я сама не узнаю свой голос. — Забеременели от мужчины, не будучи его женой? От чужого мужа?

Она вспыхивает.

На секунду маска слетает. Я вижу: острые скулы, прищуренные глаза, жёлчь в уголках рта. Не просто соперница — враг. Но она быстро берёт себя в руки. Очень быстро. Профессионально.

— Мы живём в современном мире, — говорит она небрежно, но я слышу, как звенит металл под бархатом. Я задела её. Малодушно, по-детски, но я рада. — Тем более сомневаться в таком мужчине, как Эмир, не приходится. Мы обе знаем, как он чтит традиции. Рожать вне брака он мне не позволит.

Я медленно прикрываю глаза.

Веки тяжёлые. Под ними — темнота. В темноте — его лицо. Эмир. Мой Эмир. Чёрные смоляные волосы, тронутые сединой у висков. Тёмно-синие глаза, как море перед штормом. Руки — сильные, горячие, которые обнимали меня столько ночей. Голос — низкий, с хрипотцой, который говорил мне: «Ты моя, Айлин. Только моя».

Нет, я не хочу в это верить. Как мне проснуться? Как вырваться из этого дурного кошмара? Как повернуть время вспять — хотя бы на час, хотя бы на полчаса, до того, как в мою дверь позвонила эта девица?

— Так что, — продолжает она, — я предлагаю не начинать наши отношения с вражды. Станем подругами?

И она оглядывается.

По сторонам. По моей гостиной. Совершенно по-хозяйски. Её взгляд скользит по светлой мебели, по золотым статуэткам на каминной полке, по стеклянным рамкам с фотографиями — наша свадьба, наш отдых на море, наша годовщина. Она оценивает. Прикидывает. Думает, что здесь изменить под свой вкус.

А я судорожно веду взглядом следом за ней.

Светлая мебель. Я выбирала каждый стул, каждый столик, каждую вазу. Золотые статуэтки — антиквариат, который я искала по аукционам, чтобы удивить Эмира. Стелянные рамки — мы вместе выбирали их в маленькой лавке в Стамбуле, когда ездили туда в наш первый отпуск. Я всё тут обустроивала с любовью. Каждую мелочь. Я делала этот дом, чтобы Эмиру всегда хотелось возвращаться. Чтобы он переступал порог, вдыхал запах лаванды и ванили и думал: «Я дома».

А теперь ко мне заявляется незнакомка и говорит, что тоже собирается быть здесь хозяйкой.

Делить со мной кухню. Гостиную. Постель любимого мужчины.

Изнутри меня выворачивает. Рвёт на части. Душа кровоточит, и эта кровь — чёрная, густая — заливает всё внутри. Но я сижу с абсолютно непроницаемым лицом. Маска. Ледяная маска, которую я надела в тот момент, когда услышала звонок в дверь. Я не допущу этого. Я в это вообще не верю. Эмир не мог так со мной поступить.

— Ладно, — девица поднимается с дивана и расправляет невидимые складки на подоле своего платья. Медленно. Плавно. С наслаждением. — Пожалуй, мы с Эмиром дадим вам время... эм... переварить информацию.

«Мы с Эмиром». Стучит в голове. Отдаётся эхом в висках. «Мы с Эмиром». Ещё утром я не сомневалась, что так имею право говорить только я. Его законная жена. И никакого другого «мы» в его жизни не существует.

А она тем временем смотрит на меня выжидающе.

Чего она ждёт? Что я встану и любовно обниму её на прощание? Что я поцелую её в обе щеки и скажу: «Добро пожаловать в семью, дорогая»? Что я отведу её наверх, покажу спальню, предложу выбрать подушку помягче?

— Вам действительно пора, — говорю я.

Ледяная маска медленно сползает с моего лица. Я чувствую, как трескается фарфор. Как под ним обнажается что-то живое. Что-то горячее. Что-то, что готово закричать.

Она хмыкает и тянет мне руку.

Длинные пальцы. Нюдовый маникюр. Тонкое запястье, на котором позвякивает золотой браслет.

— Приятно было познакомиться. Я действительно надеюсь, что мы станем подругами. Ни к чему вражда.

Подругами.

Как можно быть подругами с той, кто будет лежать в кровати твоего любимого мужчины? Разве такое возможно? Разве такое выдерживают? Разве из этого не сходят с ума?

Я пожимаю её руку. Холодно. Коротко. Глядя прямо в глаза.

Не произношу в ответ ни слова.

Провожая её до двери. Шаги гулко отдаются в холле. Мраморный пол блестит, отражая солнечный свет, который льётся сквозь витражное окно. Она идёт впереди, прямая, как струна, и её изумрудное платье шуршит при каждом шаге.

Я открываю дверь.

Она выходит. Оборачивается на пороге. Хочет что-то сказать — но я закрываю дверь прежде, чем она успевает раскрыть рот.

Дверь хлопает. Глухо. Громко. Как выстрел.

И я оседаю на пол. Прямо здесь. В холле. На холодном мраморе.

Ноги больше не держат. Руки дрожат. Губы трясутся. Где-то в глубине коридора мелькает прислуга — лицо нашей экономки, Фатимы, — но она тут же разворачивается и исчезает. Правильно. Не надо, чтобы кто-то видел хозяйку в таком состоянии.

По холодным щекам текут горячие слёзы.

Я не могу собрать себя в кучу. Так и сижу под дверью. Пять минут. Десять. Полчаса. Час. Шелковое белое платье на груди становится насквозь мокрым от слёз. Макияж испорчен — тушь размазалась, тональный крем потёк, на щеках остались серые дорожки.

Я не знаю, сколько времени проходит. Время стало вязким, как мёд. Оно тянется, застревает, не двигается.

В кармане платья лежит положительный тест на беременность. Маленькая пластиковая палочка с двумя полосками. Розовыми. Чёткими. Настоящими.

Мой подарок. Моя тайна. Моё оружие.

Я хотела сказать ему сегодня. За праздничным ужином. Когда гости разойдутся, когда мы останемся вдвоём, когда он возьмёт меня за руку и скажет: «Три года, Айлин. Три года — лучшие в моей жизни». Я хотела вложить ему в ладонь этот тест и прошептать: «У нас получилось. Ты станешь отцом».

Но теперь этот подарок только мой.

Я сжимаю тест в кулаке. Пластик врезается в ладонь. Две полоски. Две жизни — моя и та, крошечная, которая уже бьётся под сердцем.

Я никогда ему этого не прощу. Никогда не позволю больше ко мне прикоснуться. Ни ко мне. Ни к моей маленькой крошке.

Снаружи щёлкает замок входной двери.

Эмир вернулся домой.

— Айлин?

Дверь толкает меня в спину. Я заваливаюсь вперёд и больно ударяюсь коленями о мрамор. Одну даже разбиваю — сквозь белоснежный шёлк проступает маленькое кровавое пятно. Алое на белом. Как цветок. Как крик.

Вот в таком виде я сегодня мужа встречаю.

Разве так хорошие жёны должны встречать мужей?

А разве он хороший муж, если всё это правда?

Моя голова спорит сама с собой. Два голоса. Один — мамин. Я её почти не помню, только голос — своенравный, дерзкий, с хрипотцой. Мой паршивый характер, как говорила тётка, достался мне от неё. А второй... Второй голос Эмира. Потому что он — единственный значимый взрослый в моей жизни. Он заменил мне всех.

Родители погибли, когда мне и семи не было. Разбились в аварии на горной дороге — мокрый асфальт, крутой поворот, и всё. Я уехала жить к двоюродной тётке — женщине с сухими руками и таким же сухим сердцем. Она меня не била, не морила голодом, просто... терпела. Как терпят затяжной дождь или старую мебель, которую жалко выбросить.

Эмир был хорошим знакомым отца. Его семья — состоятельная, уважаемая, с корнями, уходящими в старый род. Незадолго до смерти папа взял с него обещание позаботиться обо мне. Будто чувствовал что-то. Будто знал, что не вернётся.

И Эмир сдержал слово. Он приезжал раз в месяц, проверял, как я учусь, во что одета, не голодаю ли. Он был моим защитником. Моим божеством. Когда мне исполнилось восемнадцать, вопроса, за кого меня отдадут, не стояло. Тётка была рада сплавить лишний рот. А я... я была счастлива. Потому что любила его всем своим горячим, глупым, доверчивым сердцем.

Но мой паршивый характер и вольное воспитание не дают мне сейчас даже допустить мысль, что у мужа будет другая жена.

Я никогда не смирюсь. Мы ведь не в ауле. Здесь такое не принято. Я родилась в стране, где у девушек гораздо больше прав, чем у нас на родине. Я с детства тут живу, я всё это вижу. Девочки здесь не делят любимых с другими женщинами.

Поэтому сейчас я смотрю на мужа снизу вверх волчьим взглядом.

— Айлин, что ты здесь делаешь... в таком виде? — он оглядывает меня с головы до ног.

Красивый. Даже сейчас. Даже зная то, что я знаю. Высокий, широкоплечий, с чёткими скулами и тёмно-синими глазами, которые смотрят на меня с... беспокойством? Удивлением? Раздражением? Я не могу понять. Я разучилась читать его лицо. Или он разучился быть честным.

Он протягивает руку, чтобы помочь мне подняться.

А мне противно к нему прикасаться. Если всё это правда — если он действительно привёл в дом другую женщину, если он спал с ней, пока я обустроивала нашу спальню, если он обещал ей место хозяйки... Я резко дёргаюсь всем телом назад. Как напуганная дворовая собака, которую однажды обидели. Которую ударили те, кому она доверяла.

— Скажи, — я так и сижу на полу, взирая на него снизу вверх, — кто такая Фарида?

На его лице появляется тень.

Секундная. Короткая. Но я вижу её. Я слишком хорошо его знаю. Я выучила каждую чёрточку, каждую морщинку, каждый мускул. Я знаю, как он улыбается, как хмурится, как отводит глаза, когда врёт. Но сейчас он не отводит. Он смотрит прямо на меня. И молчит.

— Она здесь была? — спрашивает он.

— Так это всё правда?!

— Айлин, вставай. — Его голос спокойный. Усталый даже. Как будто он не разбил мне сердце, а просто задержался на работе. — Там в саду уже гости собрались. А ты в таком неподобающем виде.

Гости. В саду. Розы, белые скатерти, хрустальные бокалы. Семья. Вся его семья — влиятельная, богатая, традиционная. Они должны поздравлять нас сегодня. Три года брака. Три года — не такая уж большая дата, но Эмир настоял на празднике. «Соберём всех, — сказал он неделю назад. — Хочу, чтобы все видели: у нас всё хорошо».

У нас всё хорошо.

Я подскакиваю на ноги. Резко. Так, что перед глазами плывут чёрные круги. Голова кружится — то ли от голода (я не ела с утра), то ли от слёз (я выплакала литр), то ли от беременности (моя крошка, моя маленькая, она уже там, она требует сил).

— Ответь мне, Эмир! У тебя есть беременная любовница?!

— Любовница? — На этом слове он морщится. Брезгливо, будто я сказала что-то неприличное за семейным ужином. — Не называй Фариду так. Это... низко.

— А крутить шашни за спиной законной жены не низко?!

Он вскидывает ладони. Один короткий жест — и всё. Разговор окончен. Я утомила его. Я, его жена, которая только что узнала о существовании второй женщины, его утомила.

Из ниоткуда появляются визажисты и прислуга. Как по команде. Будто ждали за углом. Они уводят меня в гостиную — быстро, профессионально, не задавая вопросов. Переодевают. Тычут в лицо кистями, помадами, пудрами. Расчёсывают волосы. Обливают тонной духов. Я сижу как кукла. Как манекен. Как вещь, которую нужно привести в порядок перед тем, как выставить на всеобщее обозрение.

Через двадцать минут меня выталкивают на задний двор.

Там сад.

Белые розы. Сотни белых роз — на арках, на столах, на перилах беседки. Они пахнут приторно-сладко, и этот запах душит меня. Гости. Много гостей. Мужчины в дорогих костюмах, женщины в вечерних платьях. Бриллианты, золото, шёлк. Вся семья Эмира.

Я иду сквозь толпу словно в тумане.

Ноги ватные. Подол нового платья (кто-то передел меня в нежно-розовое — как будто специально, чтобы я не выделялась) путается в ногах. В толпе вижу спину мужа — широкую, прямую, такую знакомую. И по привычке хочется подойти и прижаться. Спрятаться за ним от всего мира. Попросить защиты.

Но ведь от самого себя Эмир меня не защитит.

А сегодня боль причиняет мне именно он.

Я рвано дышу. Через силу улыбаюсь гостям. С кем-то здороваюсь — кажется, с его тётей, кажется, с кем-то из деловых партнёров. Лица расплываются. Имена забываются. Я никого не узнаю.

Встаю возле мужа. Чуть сзади. Будто пытаюсь спрятаться за его спиной от всего мира.

Я сегодня никого и ничего не вижу вокруг. Внутри всё бушует. Вулкан. Пожар. Цунами. Но я стою и улыбаюсь. Прикусываю язык до крови. Сжимаю ладони до белых костяшек.

Ничего. Праздник пройдёт — и Эмир мне всё объяснит. Наверняка это какое-то недоразумение. Чья-то злая шутка. Интрига. Что угодно, кроме правды, которую я не хочу принимать.

Эмир берёт бокал. Ударяет по нему десертным ножом — звонко, чисто, требовательно.

Все взгляды устремляются к нам.

Невольно вспоминаю нашу свадьбу три года назад. Я тогда была так счастлива! Белое платье с золотой вышивкой, фата, которая падала до самого пола, и его глаза — тёмно-синие, горящие. Он держал меня за руку и шептал: «Ты моя судьба, Айлин. Моя единственная. Навсегда».

— Минуту внимания, — произносит Эмир.

Моё сердце падает. Вниз. В живот. В мраморный пол. В землю под мраморным полом. Оно летит в бездну, и я ничего не могу с этим сделать. Будто вот-вот разрушится вся моя жизнь. Но разве может случиться что-то ещё хуже того, что мне сегодня наговорила эта девица?

— Я скоро стану отцом, — говорит Эмир.

Гости ахают. Охают. Поворачиваются ко мне. Тянут руки — поздравить, обнять, прикоснуться. Я стою ни жива ни мертва. Даже улыбнуться в ответ никому не могу. Даже кивнуть. Я просто стою, и мир вокруг меня вращается, как испорченная карусель.

Но муж останавливает эту вакханалию жестом руки.

— Вы не поняли.

И выводит вперёд неё.

Фарида. Та самая девица, что была у нас сегодня. Она выплывает из-за его спины, как змея, которая всё это время пряталась в траве. Изумрудное платье. Кошачьи стрелки. Надменная улыбка, которую она больше не прячет.

Я немею.

Я даже не заметила, что она здесь. Стояла в толпе? Ждала за беседкой? Выход, как в дешёвом спектакле, — и вот она, будущая госпожа.

Эмир берёт её за руку.

Её пальцы — длинные, с нюдовым маникюром — ложатся в его ладонь. В ту самую ладонь, которая держала мою руку на нашей свадьбе. Которая гладила мои волосы. Которая вытирала мои слёзы, когда у меня не получалось забеременеть.

— Это Фарида, — говорит мой муж равнодушно. Будто представляет нового делового партнёра. Будто это рядовая новость. Будто это не конец моего мира. — Она родит мне ребёнка. Гости замирают.

Я слышу, как где-то в толпе звякает упавший бокал. Как кто-то судорожно вдыхает воздух. Как ветер шелестит белыми розами — ш-ш-ш, ш-ш-ш, будто сама природа возмущена.

— Сегодня годовщина нашей свадьбы, — шепчу я. Мой голос — сухой, ломкий, как осенний лист. — И ты привёл в дом любовницу? Это вместо подарка?

Эмир не смотрит на меня. Он смотрит на гостей — спокойно, гордо, величественно.

— Раз ты бесплодна и не можешь родить, будешь терпеть, — бросает он. — А скрываться я не собираюсь. Пусть все знают.

Бесплодна.

Слово падает на меня, как приговор. Как топор. Как камень, который привязывают к ногам перед тем, как бросить в воду.

Бесплодна. Не могу родить. Будешь терпеть.

В кармане моего нового платья — тест. Две полоски. Две жизни. Моя дочь. Мой ребёнок, которого он только что растоптал вместе со мной.

— За что?.. — я не в силах больше держать лицо. По щекам текут слёзы. — Неужели ты и правда думаешь, что я буду это терпеть?..

— Никуда ты не денешься.

Пять слов. Пять гвоздей в крышку моего гроба.

Я стою перед всеми этими людьми — униженная, растоптанная, опозоренная. Но внутри что-то умирает. Не любовь — любовь уже умерла, пока я сидела под дверью в холле. Умирает страх. Умирает терпение. Умирает та Айлин, которая смотрела на мужа с обожанием.

Рождается другая.

Я выпрямляю спину. Смотрю ему прямо в глаза. Впервые за весь день мой взгляд твёрдый. Ледяной. Чужой.

— Я подаю на развод.

Слова падают в тишину, как камни в воду. Круги расходятся по толпе — шёпот, вздохи, переглядывания. Кто-то качает головой. Кто-то прижимает ладонь к губам. Кто-то достаёт телефон — новость уже летит за пределы сада, за пределы семьи, в большой мир.

Эмир смотрит на меня. Впервые за вечер — прямо на меня. И в его тёмно-синих глазах я вижу что-то, чего не ожидала. Не гнев. Не раздражение. Не торжество.

Страх.

На секунду. На долю секунды. А потом он моргает — и лицо снова каменное. Но я уже видела. Я знаю. Он понял, что потерял.

Теперь пути назад нет.

В скором времени Эмир поймёт, кого потерял. Судьба преподнесёт ему много сюрпризов — и он пожалеет о каждом прожитом дне без меня.

Но будет уже слишком поздно.

Я разворачиваюсь и иду прочь. Сквозь толпу. Сквозь шёпот. Сквозь белые розы, которые пахнут смертью. Иду, не оборачиваясь. Иду, прижимая ладонь к животу — туда, где бьётся крошечное сердце, о котором он никогда не узнает.

Пока не узнает.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.